

Рошаль: бьюсь до победного!

1 сентября 2014, 12:22 [«АН-online»]

ГАЗЕТА 50 ПЛЮС

ВЫПУСК №16, АВГУСТ 2014

РОШАЛЬ: БЬЮСЬ ДО ПОБЕДНОГО!

ЛЕОНИД РОШАЛЬ — ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫЙ ДЕТСКИЙ ХИРУРГ. ДИРЕКТОР МОСКОВСКОГО НИИ НЕОТЛОЖНОЙ ДЕТСКОЙ ХИРУРГИИ И ТРАВМАТОЛОГИИ, ПРЕЗИДЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ

МЕДИЦИНСКОЙ ПАЛАТЫ, ПРОФЕССОР, ЛАУРЕАТ РАЗЛИЧНЫХ ПРЕМИЙ — ВСЁ ЭТО ЛИШЬ ПРИЛОЖЕНИЕ К САМОДОСТАТОЧНОМУ ИМЕНИ.

ИМЕНИ ТОГО, КТО БОЛЕЕ ПОЛУВЕКА СПАСАЕТ ДЕТЕЙ, КТО ПОБЫВАЛ ПОЧТИ ВО ВСЕХ ГОРЯЧИХ ТОЧКАХ, КТО, РИСКУЯ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНЬЮ, БОРОЛСЯ ЗА ЛЮДСКИЕ ЖИЗНИ В ТЕАТРАЛЬНОМ ЦЕНТРЕ НА ДУБРОВКЕ И В ШКОЛЕ БЕСЛАНА. ДОКТОР РОШАЛЬ — ЭТИМ ДЛЯ БОЛЬШИНСТВА ЛЮДЕЙ ВСЁ СКАЗАНО.

Леонид Михайлович, в числе ваших наград и званий — премия с символическим названием «Своя колея», учреждённая Благотворительным фондом имени Владимира Высоцкого. Когда обозначилась ваша жизненная колея и как вы её выбрали?

Леонид Рошаль: Никаких дальних планов я на этот счёт никогда не строил. Ни в детстве, ни в студенческие годы, ни в первые десятилетия работы врачом не мог предположить, что стану директором института, доктором наук, буду заниматься проблемами катастроф и оказывать помощь детям в чрезвычайных ситуациях. Всё шло как бы само собой. В школьные годы мечтал стать хирургом. Было желание помогать детям. И я поступил на педиатрический факультет медицинского института. Мне везло на хороших людей. С третьего курса занимался в студенческом кружке по детской хирургии у прекрасных специалистов Сергея Дмитриевича Терновского и Алексея Евгеньевича Звягинцева. Сначала Алексей Евгеньевич меня прогнал: «Молод ещё, придёшь позже, на пятом-шестом курсе!» Но я проявил упорство, вернулся на следующее заседание, да так и остался. Потом стал старостой этого кружка, организовал всесоюзные конференции кружков детской хирургии, которые продолжаются по сию пору. После окончания института меня распределили участковым педиатром в поликлинику. Год бегал с чемоданчиком по вызовам. Потом — ординатура в Русаковской городской больнице. Там я подружился с блестящим хирургом Станиславом Яковлевичем Долецким. Мой старший коллега и учитель был

яркой личностью, очень хорошо знал музыку, культуру, художественную литературу, много читал и сам писал интересные книжки. По его поручению я участвовал в организации отделения хирургии новорождённых в Русаковской больнице и одновременно, ещё в ординатуре, провёл первый в России цикл лекций для врачей по хирургии новорождённых. Учился — и читал лекции! А после защиты диссертации 20 лет трудился в областном институте МОНИКИ.

Это главная областная больница. Кем вы себя там ощущали — учёным или врачом?

Л. Р.: И тем, и другим. В Московской области нет ни одного хирургического отделения, где я бы не оперировал. И днём и ночью приходилось выполнять самые разнообразные операции — на лёгких, на органах брюшной полости... Вызывают специалиста из столицы лишь в тех случаях, когда тяжело. И это дало огромный практический и научный опыт.

Однажды директор НИИ педиатрии Митрофан Яковлевич Студеникин предложил мне, уже доктору наук, возглавить отделение неотложной хирургии, которое он хотел организовать. Я согласился. В качестве базы нового отделения выбрали 20-ю московскую детскую больницу. Её руководитель, моя сокурсница Майя Константиновна Бухрашвили — толковый специалист, многое сделала, чтобы поднять больницу на высокий уровень. Мы создали единый коллектив научных работников и сотрудников. Через двадцать лет на его основе организовали Институт неотложной детской хирургии и травматологии по типу детского Склифа. И я стал его директором. Вот и всё.

А всё же, каково это — следовать «своей колее»? Насколько это трудно?

Л. Р.: Я как та кошка, которая гуляет сама по себе. Не принадлежу ни к одной партии. Всегда говорю то, что думаю. Мною сложно управлять. Из-за этого у меня нередко были сложности с начальством — я, скажем, стоял костью в горле секретаря парторганизации МОНИКИ, поскольку голосовал не как все, а как думаю. И руководство института сделало всё, чтобы на вакантное место заведующего отделением назначили другого человека. Меня долго не выпускали за рубеж... Быть независимым трудно. В России — особенно. За это бьют и с одной, и с другой стороны. Но для меня важно не потерять своё лицо, не подстраиваться. Я — независимый человек и, если вижу несправедливость, сразу говорю об этом, не раздумывая, как это будет воспринято. Вижу дело, требующее моего вмешательства — немедленно реагирую. Когда речь идёт о восстановлении справедливости — бьюсь до победного.

Например, прежде, чем стать директором института, много лет участвовал в битве за его территорию. В прежних помещениях было тесно. Не хватало, по меньшей мере, половины площадей. И мы лет 15 боролись за соседнюю с больницей территорию, которая в период «большого хапка» за бесценок досталась мощной коммерческой структуре «Гермес». Выиграли 27 судов. И остались, как ни странно, живы. В конце концов захваченное здание вернули государству, а государство передало его нам.

Построили первоклассный корпус: шесть прекрасно оборудованных этажей вверх, четыре этажа вниз с подземной аудиторией, операционными, реанимацией. На крыше — вертолётная площадка. Суперсовременное здание, за которое не стыдно. Вот такие больницы нужно строить по всей стране.

Вы часто оказываетесь в горячих точках. С чего это началось?

Л. Р.: В 1980 году Министерство здравоохранения СССР направило меня руководителем группы высококвалифицированных советских врачей в Монголию для оказания помощи. Мы полгода работали не только в столице страны Улан-Баторе, но и во всех аймаках на севере, юго-востоке. Потом провели такие же поездки в Среднюю Азию, на Чукотку, Сахалин — обучали местных врачей, принимали больных, оперировали. После землетрясения в Армении в 1988 году министр здравоохранения республики Эмиль Самсонович Габриэлян назначил меня руководителем всех детских врачей на её территории. С тех пор моя бригада или я лично работали во всех странах, где были землетрясения — в Алжире, Египте, Грузии, Афганистане, Иране, Индии, Пакистане, Индонезии, Японии, США.

Что вас заставляет стремиться туда, где катастрофы и войны?

Л. Р.: Наверное, гены «подталкивают». Это не любовь к риску, а желание помочь. Когда я делаю свою работу, ни на что другое не обращаю внимания — все посторонние вещи из головы со свистом вылетают. Важнее всего в такой момент спасти человека. Помогаю детям любой страны независимо от её государственного строя, от национальности, религиозных убеждений и политических взглядов родителей. В Чечне, в Нагорном Карабахе был на каждой из противоборствующих сторон. В Югославии — и в Белграде, и в Загребе. Потом надо было вывезти больных детей из окруженного Вуковара. И я принимал в этом активное участие. А вот в Багдаде, осаждённом американцами, ничего не получилось...

Каким достижением вы больше всего гордитесь и о чём сожалеете?

Л. Р.: Сожалею, что не смог вывезти детей из осаждённого Багдада. Сожалею, что не сумел уговорить Бараева в Норд-Осте отпустить всех детей, а не часть их — он это мне обещал, но обманул. Сожалею, что не удалось принести детям в школу Беслана еду и медикаменты.

Если же говорить о том, от чего тепло становится на душе... Радуюсь, что удалось остановить более 500 разгоряченных родственников заложников в Беслане, которые хотели самостоятельно освободить детей. Утром 2 сентября профессор Зураб Кекелидзе — один из лучших психологов страны, удивительный человек, ведущий специалист института имени Сербского — попросил меня поговорить с этими людьми, поскольку, по его словам, помешать им он был не в состоянии. И я сумел остановить их. Честно рассказал, что происходит. Сказал, что можно прожить без воды 8–9 дней. В Мексике на 11-й день после землетрясения новорождённых находили живыми. Я

уговорил их не идти на штурм. В противном случае могла быть чудовищная мясорубка. И кто бы ухаживал сейчас за многими могилами на кладбище Беслана?

Это правда, что вы посещаете храмы всех религий?

Л. Р.: Да. Потому что, по моему мнению, плохих религий нет. Есть люди, которые их коверкают. Религия должна показывать пример дружбы, любви, а не раздора. Суть разногласий между религиями настолько незначительна, что не оправдывает кровь и смерть. Однако сегодня религии разъединяют народы, а не объединяют. Даже внутри религий из-за малейших отклонений начинается кровная борьба. Вспомните противостояние католиков и протестантов, распри суннитов и шиитов!

На территории нашего института я восстановил храм Иверской иконы Божьей матери. Он для родителей, которые приходят сюда, чтобы успокоить сердце своё, после того, как отдают в руки врачей ребёнка. Сюда же они идут с молитвами и словами благодарности.

Было бы место — построил бы на территории больницы и храмы других конфессий. Чтобы разные люди находили здесь успокоение. Людей надо объединять. Я оптимист и верю, что когда-нибудь человечество к такому объединению придёт.

Что нужно сделать для того, чтобы наша больная медицина выздоровела?

Л. Р.: Я не стесняюсь называть себя приверженцем советской системы здравоохранения — поездил по миру, посмотрел, имел возможность сравнить. Лучше той, что была у нас, нигде нет. Это доказал опыт советского периода. Страна была бедная, однако удалось побороть многие болезни, свирепствовавшие в дооктябрьской России. Да, системе не хватало мощности, технического оснащения, но модель была отличная! В первый период перестройки систему здравоохранения хотели разрушить. Я был среди тех, кто против этого возражал, и небезуспешно. Но потом последовал период блестящих фантазий, оторванных от практической жизни, тогдашние реформаторы здравоохранения мыслили макроэкономически, забывая про конкретных людей. И система здравоохранения стала разваливаться. У нас сегодня масса проблем с кадрами, материально-технической базой, медикаментами, зарплатой врачей и так далее. Корень проблемы — в недостаточном финансировании здравоохранения. Если будут нормальные кадры и достойная материально-техническая база — можно надеяться на повышение качества и доступности медицины. И на то, что в ней будут работать хорошие врачи, в которых сочетаются высокий профессионализм и доброта.

Однажды на вопрос, откуда взялось присущее вам бесстрашие, вы ответили: «Ничего особенно не формировал — мама с папой дали». Вы имели в виду наследственность или воспитание?

Л. Р.: Это гены. Меня никогда соответствующим образом не воспитывали, не внушали: «Будь смелым, бесстрашным, не бойся зверей, темноты». Но что-то от старших, видимо, передалось.

У меня были замечательные родители. Отец, оставшись сиротой в три года, беспризорничал, попал в детдом, из которого его призвали в армию. Он был активным и трудолюбивым человеком. Жизнь свою сделал сам, без чьей-либо помощи. В Великую Отечественную служил в военно-воздушных силах, командовал дивизией авиабазирования. Мама была спокойной, красивой женщиной. В ней присутствовала, несмотря на достаточно скромное образование (окончила рабфак), огромная внутренняя культура. Жизнь посвятила семье, мужу и детям. У меня был брат, умерший в 30 лет, сестра жива, дай ей Бог здоровья.

Сохранились ли в вашей памяти детские обиды на старших?

Л. Р.: Никаких. Только благодарность. Жизнь у нас была не то чтобы тишь да гладь — кто-то нашалит, кого-то поругают, кого-то нет. Но линия была правильная — отличали добро и зло, хорошее и плохое. Папа, не получивший в детстве родительской ласки, старался возместить недополученное нам, своим детям. Хотя был человек строгий, суровый, настоящий мужик.

Даже когда мне было 50 лет, а папе больше 80, он всё равно относился ко мне, как к ребёнку: продолжал учить. Не настаивал категорически на своём, понимая, что меня сломать сложно. Лишь высказывал свою точку зрения: слушай, надо сделать так, так и так! Так и я сегодня. Моему сыну сейчас за 50, но иногда советы, очень осторожно и аккуратно, я ему даю.

Считаете ли вы, что родители ответственны за судьбу детей?

Л. Р.: Конечно. Я очень доволен своим сыном. Он не хапуга, не подлец, честный парень. Живёт средне — не бедный, но и не богач. И это хорошо. Был ли я для него примером? Не знаю, может быть в чём-то и был. Но выбор профессии у него был самостоятельный. И изменения в личной жизни — это его, а не моё дело. Поработав какое-то время врачом, ушёл из здравоохранения в коммерцию: «Пап, я не хочу жить от зарплаты до зарплаты, как ты». Я не протестовал. Считаю, он имеет право выбирать. Если бы он был иным, не таким — мне было бы стыдно. А коли так, значит, я за него ответствен.

А как вы воспитывали внучку?

Л. Р.: Я — никак. Тут та же линия самостоятельности. И положительный пример в семье. Женечка у меня с характером. Непростой человек, но правильный. Учится на психолога. Когда мы отмечали юбилей сына, было много гостей, и наиболее проникновенный и правильный тост сказала внучка. Говорила про папу, как она его любит. В жизни она не бросается ему на шею: «Ой, папа, как я тебя люблю!». Но видно, что она это чувствует, не высказывая всуе.

Что надо воспитать в ребёнке, чтобы он стал счастливым взрослым?

Л. Р.: Я такого рецепта не знаю. Для меня было счастье, что родители жили. И огромное горе, когда ушёл сначала отец, потом мама. Почувствовал себя сиротинушкой... Воспитывать счастливого человека, на мой взгляд, невозможно. Воспитывать своим примером доброго человека — дело другое. Но не каждый такой человек счастливый. Богатство, успех — это вовсе не счастье. Знаю много богатых людей, миллионеров. Они счастливы? Что вы... У них столько проблем. Лучше не надо!

Что такое счастье?

Л. Р.: Счастье так мимолетно! Я предпочёл бы говорить не о счастливых мгновениях, которых в жизни, увы, мало, а о чувстве более долговременном: внутреннем удовлетворении. Тем, что живёшь, что у тебя хорошая семья и рядом близкие люди, что много друзей, можешь положиться на работающих вместе с тобой. Тем, что испытываешь состояние внутренней гармонии... Тем, что здоров, и у тебя ничего не болит. Я хочу пожелать всем читателям вашей газеты быть счастливыми в таком смысле.

Илья Медовой

<http://argumenti.ru/50plus/2014/09/362471>